

УТВЕРЖДАЮ

Временно исполняющий обязанности председателя Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», член-корр. РАН

О.Н. Бахмет
2018 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»
на кандидатскую диссертацию **Чибисова Бориса Игоревича**
«Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы)»
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертационное исследование Б. И. Чибисова ставит целью выявить ареалы расселения неславянских этнических групп на территории Новгородской земли в границах пятилетия конца XV в. и определить факторы и механизмы этнического взаимодействия.

Для периода Средневековья русские летописи и хроники сопредельных с Новгородской республикой государств неоднократно фиксировали активную деятельность (главным образом – военную) проживавших на ее территории неславянских народов, в основном – прибалтийско-финских: карелов, вепсов, ижоры, води и «чуди»; изредка источники упоминали и другой народ финно-угорской языковой семьи – саамов. Но сведения эти скорее фиксируют сам факт наличия данных этносов и дают лишь общие представления о территориях, на которых они проживали. Состояние источниковой базы таково, что конкретные сведения массового характера об этих народах появляются только с XV в. – в переписях (писцовых книгах) и актовом материале с мест. Данные источники привлекались исследователями, прежде всего, для анализа социально-экономической ситуации. В диссертации Б.И. Чибисова впервые подвергаются анализу топонимические и антропонимические сведения этих источников, высвечивая этническую историю Новгородской земли XV века.

Хронологические рамки работы оправданы не только сохранностью используемых источников. XV век – переломное столетие в истории всей России, в том числе и ее север-

ного (новгородского) региона. Именно тогда на свет появилось Русское централизованное государство, и судьба его народов изменилась коренным образом. Так, в 1478 г. завершилась история средневековой Новгородской республики, и проживавшие на ее территории народы влились в состав объединяющейся Руси. Диссертация Б. И. Чибисова характеризует состояние неславянских народов в это судьбоносное столетие – на начальном этапе становления общерусской государственности. Актуальность такой постановки проблемы в изучении этничности для нас очевидна.

Исследовательский подход, которого автор придерживается на протяжении всего исследования, сформулирован им во введении: «Одной из особенностей современной исторической науки является использование *междисциплинарного подхода*, важная грань которого – посильное возрождение историко-филологического единства в исследованиях». Собственно, сама тема диссертации предполагает опору на научные наработки в областях этнолингвистики, археологии и этнологии.

Представленные в диссертации источники и исследовательская литература дают возможность отметить серьезную фундированность и основательную методологическую базу работы. Диссертант освещает теоретические наработки и полученные научные результаты в области смежных дисциплин. Так, в разделе о методологии исследования Б. И. Чибисов отмечает не только традиционные для историков методы исследования, но и применяемые филологами-ономастами дескриптивный и ареальный методы; он также раскрывает содержание и имеющиеся противоречия в подходах к пониманию этничности (примордиализма и конструктивизма) применительно к избранной им теме.

Совершенно оправданно вся глава 1 «Древнерусская ономастика в этноисторических исследованиях: историография вопроса» посвящена характеристике не только собственно исторических трудов по теме, но и подробному анализу концепций, научных наработок и выводов по данной проблематике в области филологических наук. Диссертант знакомит нас с результатами работы этнолингвистов и приходит к вполне самостоятельным суждениям о состоянии изученности проблемы как в историческом, так и в филологическом планах.

В следующих 4-х главах Б. И. Чибисов излагает результаты исследования неславянского населения Новгородской земли в XV в. При этом в основу разделения текста диссертации на главы автор обоснованно ставит административно-географический принцип. В самом деле, разбивка территории Великого Новгорода на области («земли», «волости») и наследовавшее её с конца XV в. московское административно-территориальное деление всей Новгородской земли на уезды, как и военное-мобилизационное членение на пятинны, первоначально имели в своих основах этническую составляющую, – они примерно соответствовали областям проживания тех или иных этносов. С этим согласен и автор, например,

когда пишет о понятии *Корельская земля*, «имеющим в своей основе именно этнический компонент» (с. 146). Также справедливо его следующее утверждение: «под «Ижорской землей» можно понимать не просто географическую область – долину реки Ижоры, – но и регион со специфическим этническим элементом, представленным, прежде всего, ижорой» (с. 170).

Последующий текст диссертации также построен по принципу близкого соответствия административных и этнических границ. К данной конструкции у нас имеется только одно замечание. Параграф о саамах ««Лопское» население Новгородской земли: проблема этнической принадлежности» автор поместил 3-им в главе 2 – об Обонежье. Но Обонежская пятина на севере заканчивалась землями в устье Выга, а далее шли земли Водской пятины (по источникам XVI–XVII вв. – это Шуерецкая и Кемская волости «Дикой Лопи»). С нашей точки зрения, параграф о саамах был бы более уместен в 3-ей главе, поскольку по государевым Завещаниям XVI в. «Лопь Дикая и Лопь Лешая» тяготела (в завещаниях: «тянула») к Корельской земле; на своем юге (в Беломорской Карелии) «Лопь» составляла ее самую северную окраину, а на севере (на Кольском полуострове) местные саамы объединялись в особую административную единицу Лопскую землю (1517 г.).

В 2–5 главах в основу анализа диссертант положил исследование топонимии, особенно гидронимов. Данные географические объекты получили названия от первопоселенцев и на протяжении веков сохраняли этническую окраску, даже в формах русских полупереводов с изначального языка. Диссертант делает вывод о прибалтийско-финском происхождении основной части гидронимов на большинстве территории традиционного проживания прибалто-финнов (вепсов, карелов, ижоры, води). Действительно, с точки зрения ономастов, топонимы – это более надежный этноязыковой источник, чем антропонимы (имена и прозвища жителей, а также отименные названия поселений). В силу исключительной устойчивости, они лучше отражают этноязыковую ситуацию во временной ретроспективе. Другими словами, топонимы могли бытовать в прежней форме даже при смене этноса на данной территории.

С другой стороны, материалы письменных источников дают только отрывочные сведения об антропонимах прибалтийско-финского происхождения. Переписи, например, фиксировали по преимуществу различные формы крестильных православных имен и отчеств жителей. Те же крестильные имена значатся в названиях поселений. Конечно, в ряде случаев диссертант вырывает актовый материал, в котором с большей свободой использовались бытовавшие народные формы имен, отчеств и прозвища. Кроме того, в народной среде возникло множество неофициальных, в том числе прибалтийско-финских вариантов русских имен, которые в редких случаях отражались в документах. Поэтому автор совер-

шенно прав, отмечая неоднократно по всему тексту, что православное имя не есть свидетельство русского (у автора – «славянского») происхождения его носителя. Таким образом, становится очевидным, что в данной ситуации совершенно незначительный процент жителей с прибалто-финскими именами нельзя воспринимать статистически достоверно. Автор абсолютно прав, используя сведения о численности таких имен лишь оценочно, для нахождения мест наибольшей концентрации иноязычного этноса.

В итоге диссертант справедливо констатирует: «говорить о твердых этнических границах на основании письменных источников невозможно» (с. 171). В заключении Б. И. Чибисов аккумулирует результаты анализа письменных источников: «По имеющимся данным топонимии и антропонимии писцовых книг невозможно дать точную этническую характеристику населения Новгородской земли. Статистические показатели неславянских имен в конце XV в. невысоки, однако их нельзя напрямую соотносить с реальной численностью саамов, вепсов, карелов, ижоры, води или представителей тюркских народов» (с. 210).

Действительно, при всей привлекательности ономастики, она все-таки только в комплексе с другими данными может использоваться для реконструкции этнической принадлежности населения. Поэтому на протяжении исследования автор сопрягает изучаемый материал с результатами археологических исследований. Данная комплексность поддерживает общий вывод его диссертации: население Новгородской земля в XV в. имело «ярко выраженный полиэтничный характер» (с. 210). И в целом диссертант справляется с поставленными задачами. В главах он скрупулезно, насколько это позволяют источники и изученность территорий ономастами и археологами, раскрывает картину заселенности неславянскими народами Новгородской земли в XV в. не только в целом, но и по уездам, погостам и волостям. Общие итоговые характеристики новгородских неславянских областей он представляет на основе работ предшественников и произведенного им синтеза научного знания.

Диссертационное сочинение соискателя является оригинальным научным произведением. Оно опирается на его собственные научные наработки по теме и их научную апробацию. Б. И. Чибисов не раз выступал на региональных, всероссийских и международных конференциях. Основное содержание диссертационного исследования нашло отражение в 7 научных работах, в том числе в 4 публикациях в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК. И статьи, и подготовленный текст диссертации, и авторские наблюдения и выводы отличает несомненная новизна и самостоятельность трактовок.

Однако, несмотря на очевидные достоинства работы, к ней имеются и некоторые замечания, а также предложения для возможной дальнейшей проработки отдельных аспектов темы.

1. Во введении, в рамках характеристики историографии вопроса, к сожалению, оказываются упущенными следующие важные для раскрытия темы труды: 1. Прибалтийско-финские народы России / Серия «Народы и культуры» (М., 2003); 2. Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны (С-Пб., 2001); 3. Personal name systems in finnic and beyond. Сер. «Uralica Helsingensia». Helsinki, 2017.

2. Цель исследования определена так: «выявить ареалы и отдельных представителей неславянских этнических групп». Но в последующем списке «Задач исследования» значатся неславянские этнические группы и в целом неславянское население (с. 15), и ни слова о задачах по изучению этих «отдельных представителей».

3. Автор отмечает, что: «**Объектом исследования** являются данные письменных источников (писцовых книг, актов, берестяных грамот и летописных текстов)» (с.16). На протяжении всей работы, однако, автор исследует топонимы и антропонимы – они и являются его объектом исследования, поскольку именно их автор и выявляет в текстах исторических источников. **Предмет исследования:** «особенности расселения неславянских этнических групп» (с.16). По нашему мнению, вместо этой расплывчатой формулировки следует писать о территориях расселения неславянских этносов в XV в.

4. Автор справедливо утверждает: «календарные имена в славянской форме не могут являться гарантией того, что человек был славянином» (с. 83 и др.). Тем удивительней звучит один из выводов § 1 главы 2 «Население Заонежских погостов»: «Имена жителей здесь представлены главным образом календарными именами в славянской форме, что отражает, во-первых, значительную долю славян в этом регионе: так, в Шунгском и Толвуйском погостах наблюдается значительный рост населения. Во-вторых, нельзя исключать влияния славянских культурных и религиозных традиций на местное прибалтийско-финское население, многие представители которого, судя по именам, принимали православие» (с.78). Также не ясно, как этот вывод согласуется с выводом о топонимах Заонежья: «Широкое распространение прибалтийско-финской гидронимии может считаться аргументом в пользу освоения прибалто-финнами территории Заонежья» (с. 67).

5. На протяжении всей работы автор использует номинацию этнической группы: «славянин», «имена в славянской форме». Например, при описании горожан Корелы: «имена были записаны в славянской форме, что не позволяет сделать однозначных выводов об этнической принадлежности горожан» (с. 109, 136 и др.); или «Корельский городок создавался при непосредственном участии новгородцев – вероятно, славян» (с.109). В свете

рассуждений диссертанта во введении о теориях этничности, примордиализме и конструктивизме, встает вопрос об отношении автора к проблеме существования русского этноса в XIV–XV вв.

Несмотря на высказанные замечания, диссертационное сочинение соответствует требованиям пп. 9-11, 13-14 Постановления Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, в редакции от 29.05.2017 г. «О порядке присуждения ученых степеней» с изменениями и дополнениями, а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Отзыв составлен Жуковым Алексеем Юрьевичем, кандидатом исторических наук, и.о. старшего научного сотрудника сектора истории Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, обсужден и принят на заседании сектора истории 4 сентября 2018 г., протокол № 8.

и.о. старшего научного сотрудника
сектора истории ИЯЛИ КарНЦ РАН,
кандидат исторических наук

А. Ю. Жуков

4 сентября 2018 г.

(г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11; +79602172471, zhukov_a@sampo.ru)

*Верно! подпись Жукова А.Ю.
Заместитель директора
по научной работе*

к.и.н.

Олеф *Лобцова*